

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Георгий НИПАН

ЕФИМОВ НА ДАЧЕ

Маленькая зооповесть

Глава 1

Ефимов просыпается в дупле старой ели и вспоминает, как он в него попал. Встреча с несчастным братом Кузьмой. Прибавление в семье Мурзика.

Сны попадались какие-то жуткие: то собака огромная и злая догоняла, то молоко в миску налили прокисшее, да и спалось как-то неуютно и холодно. Не по-домашнему. Ефимов почесал лапой за ухом и проснулся. Огляделся, насколько мог. Света нет, место тесное и незнакомое, родной дачей не пахнет и откуда-то тянет холодом. Потыкался, нащупал над головой круглую дырку.

«Темница», – ужаснулся Ефимов и жалобно мяукнул. Прислушался: ни звука в ответ. Принюхался: ни одного знакомого запаха.

«Хорошо бы водички попить», – подумал Ефимов и, перебирая передними лапами по стенке темницы, встал на задние лапы и просунулся в дырку.

Вначале разглядел холодную желтую луну, потом присмотрелся – вокруг темные еловые лапы, а вниз, насколько хватает глаз, тянется морщинистая коричневая кора, и где-то далеко-далеко – земля.

«Дупло», – догадался Ефимов и стал тереть лапами морду. Положение сложилось отчаянное: до земли далеко, пить ужасно хочется, лапы трясутся и морда расцарапана.

«Стоп, а почему лапы трясутся и морда расцарапана?» – спросил себя Ефимов и вспомнил. Вчерашний день вспомнил. Вспомнил, как бабушка Марина везла его в чистенькой корзинке на дачу, как выпустила его на зеленую пахучую травку, как напился он вкусного парного молока и как отправился на прогулку, просочившись между кривыми досками забора.

Оказавшись по другую сторону забора, Ефимов неспешно направился к чужому дому и, поднявшись по его ступеням на просторную веранду, встретил кота. Толстого, грустного, равнодушного к появлению Ефимова, но какого-то родного.

«Брат», – подсказало сердце, – «Кузьма», – и вспомнилось, как прошлым летом их, четырех маленьких котят, – трех братиков и сестричку, вынесли в картонной коробке на крыльцо какого-то дома. Они, несмышлениши, играли, а мама-кошка тревожно бегала около коробки. Первой забрали сестру Любочку-серенькую юбочку, потом Яшу, потом Кузьму. Остался один непристроенный безмянный котенок и возле него кошка, вся в слезах. Но тут кошачий Бог прислал бабушку Марину. Она заглянула в коробку и спросила: «Ну что, последний из дома Ефимовых, пойдешь к нам жить?». А котенок – маленький, но не глупый – сам к ней на ладони забрался. И ведь счастливый билет вытащил!

– Кузя, – мяукнул Ефимов, – не узнаешь? Я ведь брат твой.

– Ефимов! – ахнул Кузьма. – Вот ведь встреча!

Обнялись братья. Маму вспомнили. Где она, кошка непутевая? Опять с каким-нибудь котом гуляет, и не знает, что сыновья на родину погостить приехали.

– Что же ты не писал, Кузя? – спросил Ефимов. – Наш электронный адрес у твоих хозяев есть. Леня писать, так позвонил бы.

– Так к компьютеру не подойдешь, сын хозяев с утра до вечера в стрелялки свои играет, а дочь на телефоне висит. Ни электронную почту отправить, ни позвонить, а мобильника у меня своего нет. Да и не разговариваю я с ними, и ничего мне от них не надо, – сказал Кузя и заплакал.

– Что ты, брат? Что случилось? Чем они тебя обидели?

– Отвезли в больницу, а там меня усыпили и ... – дальше Кузя прошептал на ухо Ефимову. Не хотел такое вслух говорить. – Не будет у меня теперь ни жены, ни деток.

«Горе-то какое», – подумал Ефимов, – «и не будет у брата большой любви, не будет любимой кошечки», – а вслух стал утешать Кузю, поглаживая лапой его мохнатую голову.

– Ничего, брат, не в кошках счастье. Найдешь дело интересное, ты ж у нас умница. Мы с Яшей всегда тобой гордились. Я ведь недавно Яшу нашего видел, на красной «мицубиси» он ехал. Узнал меня и лапой помахал, – стал рассказывать Ефимов, чтобы отвлечь брата от горестных мыслей.

– А про Любочку ничего не слышал? – оживился Кузя.

– Как же, слышал! Говорят, замуж вышла, и хороший кот попался. Домовитый.

– Что ты говоришь?

В это время откуда-то притащился Мурзик. На лапах еле стоит, какую-то песенку мурлычет, и валерьянкой за версту от него несет.

– Ребята, – кричит Мурзик, – у меня жена тройню родила! Идемте это дело отметим.

Ефимов и Кузя стали отнекиваться. Застеснялись, но Мурзик сильно уговаривал, даже сказал братьям, что они как в город уехали, так и зазнались. Короче, уговорил.

Вышли за околицу и направились к лесу. Сели на опушке. Мурзик из кустов полиэтиленовый пакет выволок, достал из него пузырек валерьянки и дохлого голубя.

– Нет, – говорит Ефимов, – я убоину не ем.

– А я вегетарианец, – сказал Кузя.

– Чего? – спросил Мурзик.

– Мясо не ем, – пояснил Кузя.

– Как чувствовал, – произнес Мурзик, – беда с вами, городскими, – и, как бы восхищаясь своей сообразительностью, достал из пакета «Китикет» в банке.

Ну, лизнули по разу валерьянки, разговоры, конечно, пошли. Ефимов и Кузя об искусстве заговорили, классику кино вспомнили – кота Матроскина и этого... Ну как его? «Не были мы на вашем Таити, нас и здесь хорошо кормят», а Мурзик все о кошках: какая у него в прошлом году жена была, какая в позапрошлом. Решили перед вторым заходом закусить. Стали консервную банку открывать – никак за кольцо не ухватиться! Вот черт, как открыть-то? Тут мимо какой-то серый зверь не спеша так идет, и в лапах у него газета. Вроде на кота похож, только больше, но передние лапы как у человека, враз банку откроет. Присмотрелись, а в газете буквы нерусские. Видно, зверь иностранец. Но банку-то открыть надо.

– Да это Енот, – сказал Мурзик, – говорят, его внук бабки Семечкиной из Америки привез. Сейчас я с ним договорюсь, – и грозно встал поперек дороги.

– Фройляйн! Цвай гроссе бир, битте! – закричал Мурзик. Его хозяин никак не мог забыть Октоберфест в Мюнхене и часто кричал эту фразу по ночам.

Енот остановился и молча на него уставился.

– Бессаме мучо. Аста маньяна. Но пасаран! – пришел на помощь Кузя, у которого знакомый кот отдыхал в Испании.

Никакого эффекта, но тут Ефимов не ударил в грязь мордой и мяукнул:

– Шоу ми е мани! Шерше ля фам!

Опять молчание в ответ и полное непонимание.

– Да ну его к черту, этого барана, – рассердился Мурзик, – ни одного языка не знает.

– Сами вы бараны, – внезапно сказал Енот на чистом русском языке, – втроем консервную банку открыть не можете.

Он уверенно взялся за кольцо и открыл банку.

– Вот это по-нашему, – сказал Мурзик, – выпей с нами за здоровье моей семьи.

– Ален Делон не пьет одеколон, – пропел Енот.

– Тебя что, Аленом Делоном зовут?

Ефимов и Кузя после этого вопроса Мурзика стали от смеха кататься по траве.

– Что вы ржете как лошади? – обиделся Мурзик.

– Это песня такая, – пояснил Ефимов, – группы «Наутилус Помпилиус». Дед наш любит слушать.

– Ну, если Подпилиус, тогда закуси за компанию, – обратился Мурзик к Еноту.

Пока коты принимали валерьянку, Енот уплел весь «Китикет» и незаметно напихал траву в пустую банку. Когда Мурзик в поисках закуски запустил в нее лапу, то вытащил пучок мятой зелени.

– Что это? – спросил Мурзик и уставился на Енота.

– Морская капуста, – невозмутимо заметил Енот. – Наверное, это консервы для морских котиков.

– Скажите, Енот, – вежливо поинтересовался Кузя, – а зачем Вам нерусская газета?

– Я тут детей одного Барсука английскому языку учу, а он мне за это перепелиными яйцами платит.

– Хочу, чтобы и мои дети могли по-английски мяукать. Буду платить куриными яйцами... или петушиными, – влез изрядно нализавшийся валерьянки Мурзик.

– Может, кошачьими? – насмешливо спросил Ефимов, но тут же осекся и виновато посмотрел на Кузю.

Однако брат не заметил грубой шутки или сделал вид, что не заметил. Начало темнеть, и разошлись бы они спокойно: попрощались бы с Енотом, дотащили бы Мурзика до дома, если бы на этого самого Мурзика не напало желание петь песни. Только затянули: «Жил да был черный кот за углом...», как прибежала такая рыженькая, ушки с кисточками, хвост пушистый, ну, в общем, Белка.

– Спать не даете, а мне завтра рано вставать!

– Отстань, кисточка ходячая, – Мурзик говорит.

Такого обращения с женщиной Ефимов стерпеть не мог и пихнул его в бок лапой, чтоб сообщал, что говорит, а Мурзик в ответ как хрястнет. Всю морду расцарапал! Ефимов, конечно, в долгу не остался, так что еле их Кузя и Енот растащили.

Тут Ефимов, воодушевленный своим благородством, говорит Белке:

– Давайте я Вас провожу, а то время позднее и всякие Мымзики по лесу шатаются.

Ну и потащился с Белкой на елку, по пути начал в любви объясняться. Дальше плохо помнится: как будто лез к Белке обниматься, а она ускользала и хихикала.

«Патология какая-то, – подумал Ефимов, – белкофилия. Надо по возвращении в город с котом Адамом посоветоваться, он у врача-сексопатолога живет. Натерпелся этот кот от своей бывшей хозяйки Евы. Как начнет, бедный, рассказывать, так шерсть дыбом от ужаса встает. Эта Ева его чистить зубы заставляла, а еще намыливала и вместо мочалки использовала».

Все встало на свои места: видимо, в дупло он свалился, когда от Белки возвращался. Надо звать на помощь! Самому с дерева не слезть, и Ефимов стал громко мяукать.

Глава 2

Появление чуда в перьях. Наглый поросенок Борька. Ангелоподобная Мурочка. Счастливое избавление.

Только Ефимов размяукался – протяжно так, заунывно, жалея самого себя, – как в дупло всунулась пучеглазая круглая кошачья морда с клювом. Вместо шерсти перья, а вместо лап когти. Вот страсти!

«Нечистая сила, – подумал Ефимов, и таким холодом обдало. Вся грехи вспомнил: как залез в холодильник и пакет сосисок съел, как в тапок бабушкин наделал, как в диване дырку прогрыз. Да мало ли у нормального кота грехов средней тяжести? Но сердцем всегда был чист, зла ни на кого не держал и жил честно. По совести. Взвесил все Ефимов, и страх как лапой сняло: «Ничего, нас, россиян, голыми когтями не возьмешь...»

Тут чудо в перьях прервало его размышления и спросило:

– Ты кто?

– Кот в пальто! – по-уличному ответил Ефимов.

– А зачем в мое дупло залез?

– А где написано, чье это дупло?

– Действительно, ведь нигде не написано, – ненадолго задумавшись, ответило чудо в перьях, – но зачем кричишь?

– Домой хочу.

– Так слезай на землю.

– Да ведь страшно: высота-то, какая! Свалишься – костей не соберешь!

– Тогда сиди, – философски заметило чудо.

– Кушать хочется, – спокойно сказал Ефимов и, совершенно осмелев, спросил: – А ты кто?

– Филин без пальто, – усмехнувшись, ухнуло чудо в перьях.

Тут и Ефимов засмеялся:

– А я думал, что ты кошачий черт!

– Может, чертов кот? – опять ухнул Филин.

– Га-га,-га, – замыкал Ефимов, – бабушка, когда ругается, меня так называет.

Тут и Филин разухался – очень они друг другу понравились.

– Давай я тебе мышку принесу поесть, – сказал Филин.

– Да ну ее, – стал отказываться Ефимов, – чистить надо, шкурку снимать, и все в темноте.

Потерплю уж до утра.

– Смотри, как знаешь, а я полечу охотиться, меня ведь бабушка не накормит, – и Филин улетел.

Ефимов положил лапу под голову и задремал. Во сне появился усатый Филин с кошачьим хвостом, открыл клюв и хрюкнул. Потом еще раз.

«Это уже перебор, даже для сна», – подумал Ефимов и открыл глаза.

Просветлело, а снаружи доносилось громкое хрюканье. Ефимов высунулся из дупла и увидел у подножия елки поросенка Борьку, который доедал остатки вчерашнего пиршества.

– Вот я тебе задам, поросенок ты этакий, – закричал Ефимов, – кому бабушка строго-на-строго наказывала не уходить со двора?

Борька оторвался от своего занятия и задрал кверху пяточок. Присмотревшись, он разглядел, откуда кричит Ефимов и, нагло ухмыльнувшись, ответил:

– Сидишь в дупле, так не чирикай!

– Сейчас слезу, сорву еловую лапу и нахлестаю тебе по заднице.

– Вначале слезь.

– Ах ты свинина розовая!

Так бы они долго и бесполезно препирались, но на их крики прибежал Кузя. Он все утро разыскивал брата. Увидев Кузю, Борька на всякий случай отбежал подальше. Лапа у Кузьмы была тяжелая.

– Ефимушка, как же ты туда залез? – спросил Кузя.

– Кто ж его знает, – виновато протянул Ефимов, – после валерьянки чего только не бывает.

– Пойду бабушку Марину приведу, – сказал Кузьма, – без нее тебя не вызволить, – и побегал за подмогой.

В ожидании бабушки Ефимов стал осматривать опушку леса и ближайшие дачные участки. Домики с такой высоты казались совсем игрушечными, над многими печными трубами клубился дымок. «Завтрак готовят», – отметил про себя Ефимов и облизнулся. Потом его зоркие глаза углядели тетку, которая тащила из сарая ведро с молоком. Тут совсем есть захотелось, и Ефимов, чтобы не думать о грустном, переключился на ближайший забор. «Может, здесь какой-нибудь кот живет – хоть поговорю, время скоротаю».

– Эй, соседи, – громко мяукнул Ефимов, – время не скажете? А то я часы в городе оставил.

К радости Ефимова, задвигались высокие лопухи, и на забор грациозно запрыгнула серенькая пушистая кошечка.

– Вы не подождете минутку? – крикнула кошечка, – я пойду на настенные часы взгляну, – и так ласково посмотрела на Ефимова, что он разом забыл обо всех своих невзгодах.

Скоро кошечка вернулась:

– Маленькая стрелка возле двух слипшихся баранок, а большая возле целой баранки и половинки.

– Это без десяти восемь, – сказал догадливый Ефимов. – А как вас зовут?

– Деми Мур.

«Хорошо хоть не Кэтрин Зета-Джонс», – подумал Ефимов, знакомый с американским кино. – А хозяин Ваш не Брюс Виллис?

– Да нет, хозяина зовут Аль Пачино, а хозяйку – Клаудиа Шиффер.

– Что-что? – переспросил Ефимов.

– Ну, Алексей Починяев и Клава Шифрина.

– Понятно, – протянул Ефимов, – а можно, я вас просто Мурочкой буду называть?

– Конечно, – радостно согласилась Мурочка. – А почему вы в дупле сидите?

Ефимову было неловко рассказывать о своих вчерашних похождениях, и он стал нещадно сочинять – не то чтобы врать, а так – сказки придумывать.

– Спелеолог я, пещеры исследую. Здесь пещер нет, и я, чтобы не терять спортивную форму, залезаю в дупла.

– Ой, как интересно! А может, вы спуститесь ненадолго попить прохладного молока?

– Нет, когда я увлечен, то ни на что не отвлекаюсь. У этой ели очень интересные годовые кольца. Я должен их рассмотреть.

– Хорошо, работайте, я пойду пока молоко в холодильник поставлю, – и Мурочка ушла.

«Что я буду дальше сочинять, когда она вернется?» – спросил сам себя Ефимов и загрустил. Не хотелось ему в глазах милой Мурочки выглядеть трепачом.

Спасение, как это часто бывает, явилось неожиданно. На полянке появилась целая процессия. В центре шла бабушка Марина, под мышкой правой руки она держала одеяло, а в левой руке она несла ведро, в котором что-то плескалось. Впереди бабушки, указывая дорогу, бежал Кузя. Чуть поодаль, во главе каких-то незнакомых котов и тучи мальчишек, подпрыгивал Мурзик, указывая лапой на елку. Замыкал шествие известный своей добротой дядя Саша. Он припадал на левую ногу и поэтому опирался на палочку.

– Бабушка! – радостно замыкал Ефимов.

– Посмотри, что я тебе принесла, – громко сказала бабушка Марина, когда вся команда подошла к подножию ели, и повыше подняла ведро.

В ведрке плескалась рыбка. Большая серебристая рыбка.

– Рыбка! Рыбка! – закричал Ефимов.

Бабушка поставила ведро на землю и развернула одеяло. Вместе с дядей Сашей они расстелили одеяло, взявшись за углы, и подняли над землей.

– Прыгай, Ефимов! – крикнула бабушка.

– Прыгай, брат, – замурлыкал Кузьма.

– Ефимов, не дрейфь! Сигай! – заорал Мурзик, а с ним вместе другие коты.

Ефимов встал четырьмя лапами на острый деревянный край и замер в нерешительности.

«Дывлюсь я на небо та й думку гадаю: чому я не сокил, чому не летаю...» – вспомнились ему слова украинской песни, но тут он увидел, как какой-то чужой кот подкрадывается к ведрку с рыбкой.

– Бабушка, – закричал Ефимов, – смотри за ведрком!

Но бабушка не поняла, что хочет сказать Ефимов:

– Прыгай! Прыгай! Не сомневайся, мы тебя удержим.

В это время чужой кот уже протянул лапу, чтобы выловить рыбку из ведерка. Рыбку, которую ему принесла бабушка. Вкусную серебристую рыбку. И Ефимов прыгнул.

Приземлившись под общее восторженное «ура!», он быстро соскочил с одеяла и, бросившись к ведрку, отогнал от него чужого кота.

А потом они пошли домой. Бабушка несла на руках Ефимова, а Ефимов крепко держал в лапах чудную, сверкающую на солнце рыбку. Рядом с бабушкой семенил брат Кузьма.

Сейчас они придут домой, Ефимов оставит Кузю сторожить рыбку, а сам сбегает за Мурочкой. Он приведет Мурочку, и они втроем, не спеша, съедят эту волшебную рыбку.

То-то будет праздник.

Глава 3

*Беседы за вкусной рыбкой. Встреча с отпетыми котами.
Неожиданная помощь. Поход на лягушачий концерт.*

Рыбка оказалась очень вкусной, особенно в сочетании с культурной программой, организованной гостеприимным хозяином. Мурочка с Кузей ели рыбку и слушали удивительные рассказы

Ефимова. Впечатлительная Мурочка восторженно ахала, Кузя время от времени подавал брату условные знаки, что не стоит чрезмерно заливать и распускать хвост перед наивной кошечкой, но Ефимов был в ударе и ничего не замечал. Славный барон Карл Иероним Фридрих фон Мюнхаузен, доживи он до этого знаменательного дня, наверняка бы восхитился ефимовскими историями, а некоторые из них даже бы записал.

– В соседнем дворе страшная ворона завелась. Маленьких котят таскала и меняла их на Птичьем рынке на блестящие украшения. Никак не могли ее местные коты поймать. Помыкались, помыкались – ну и обратились ко мне. Спрашиваю их, где эту ворону можно найти, какие у нее особые приметы, хоть какого, примерно, возраста. Молчат коты, ничего толком не знают. Я тогда пробил по своим каналам, у меня есть знакомый воробей. Жизнью он мне обязан. Ну, это отдельная история. Воробью из рогатки крыло подбили, и его, раненного, какой-то кот помоечный хотел сожрать. Не позволил я! Так вот, спрашиваю своего воробья, не видел ли такую ворону? Как же, говорит, знаем эту беспредельщицу. Многие гнезда она разорила. Большое дело сделаете, Ефимов, если от нее нашу улицу избавите. Договорились, что воробьи мне чирикнут, как только появится ворона в наших местах. Теперь за мной было дело. Если она на крышу прилетит, то я к ней легко подкрадусь. А если на дерево сядет, то пока до нее докарабкаюсь, она заметит и улетит. Задача! Решил я, что по месту ориентируюсь.

– Дня не прошло, как громко зачирикали воробьи: «Ворона прилетела! Ворона прилетела!» Выглянул я аккуратно из своего окна. Смотрю, эта гадина сидит на дереве, на самой вершине, и высматривает очередную жертву. Дерево особняком стоит, ни кустиков рядом, ни скамеечки, но зато возле семиэтажного дома. Ну, думаю, Ефимов, назвался котом – полезай на крышу! Быстренько подворотнями добежал до этого дома, юркнул в подъезд, там пронесся стрелой вверх по лестнице, до чердака, и вылез на крышу. Дополз по-пластунски до края крыши и слегка голову приподнял. Успел! Точно подо мной сидит на дереве ворона, надо только, чтобы отвернулась. Мне же надо для прыжка подняться.

– Долго я ждал момента. Ворона как чувствовала, что погибель ее рядом, беспокойно вертела во все стороны головой. Дождался! Замерла она, отвернувшись, – тут я и прыгнул. Как долетел, не знаю, но как схватились мы с ней не на жизнь, а на смерть, всегда буду помнить. Макушка дерева под нами трясется, а мы бьемся. Два раза достала она меня своим клювом: один раз по голове долбанула, а второй раз прямо под сердце – вот два шрама остались, но я ей все перья выщипал и с дерева сбросил. Свалилась она на землю, и там ее, курицу ошипанную, уже кошки придушили.

Ефимов ненадолго прервался, чтобы поесть рыбки, и продолжил:

– Или вот еще! Как-то прихожу в гости к коту Адаму, а он валяется на диване и так лениво-лениво листает журнал «Плейкет». У него, видите ли, депрессия!

– Что это за журнал? – наивно спросила Мурочка.

Ефимов и Кузя переглянулись. – Как бы это поаккуратнее объяснить?

– Ну, там... это... кошечки совсем бритые, – сказал Ефимов.

– Ой! Какой ужас! – воскликнула Мурочка и сама смутилась.

– Ну, – продолжил Ефимов. – Пойдем, – говорю, – Адам, по помойкам прошвырнемся! Может, свою Еву найдешь!

– Нет, – ленится Адам. – Молоко должны принести, а кошечек мне и так привозят по вызову.

Тут Кузя наступил Ефимову на лапу, но догадливая Мурочка ничего спрашивать не стала, а просто еще раз смутилась.

– Не ленись! – настаиваю я, – так у тебя все навыки, нашими предками добытые, пропадут. Ни рыболов ни охотник. Живешь для того, чтобы из тебя таксидермист чучело сделал.

– Вспыхнул Адам: «Это мы посмотрим, кто из нас лучший рыболов». Заносчивый он, как все поляки! Подводит меня к аквариуму, а там каких только рыбок нет! Глаза разбегаются! Выкатывает Адам из-под дивана две маленькие бамбуковые удочки с тоненькими лесками и малюсенькими золотистыми крючками.

– Давай, – говорит, – до прихода хозяина с молоком рыбу удить. Кто больше наловит.

– А как же хозяин? – спрашиваю. – Не поздоровится тебе, когда он увидит, что меньше рыбок стало.

– Что – струсил? – съехидничал Адам. Боишься, что я больше поймаю!

– Тут уж я разгорячился. Ну, и принялись мы рыбок ловить. Насаживаем кусочки хлеба на крючки и закидываем удочки в аквариум. Всех рыбок выловили, а чтобы добру не пропадать,

съели. У меня потом два дня живот болел, а Адам эти два дня у меня от хозяина прятался. Тот обещал его в аквариуме утопить.

За рассказами доели вкусную бабушкину рыбку. Кузя раскланялся и отправился смотреть телевизор, а Ефимов пошел провожать Мурочку. Она ведь жила на самой окраине поселка возле леса. Чуть-чуть не дошли до Мурочкиного дома, как появились три не знакомых Ефимову кота. Наглых и грязных. У предводителя компании не было одного глаза, видимо, выцарапали в драке. Мурочка испуганно сжалась.

– Ну, ты, мяукало городское! С нашими девушками гуляешь? Может, тебе морду расцарапать и хвост оторвать? – прошипел одноглазый.

– Это мы еще посмотрим, – грозно ответил Ефимов, – кто кому хвост оторвет.

Даром, что ли, он в детстве кот-боксингом занимался?

Три кота окружили Ефимова, и, однако, несладко бы ему пришлось, потому что эти трое были тертыми драчунами, как вдруг большая тень накрыла весь кошачий квартет. Тень больно тюкнула одноглазого по лбу, а двух других хулиганов схватила за загривки когтями, пронесла над землей несколько метров и бросила в грязную лужу. Задиры, опережая друг друга, бросились наутек, а тень издевательски заухала им вслед.

– Филин! – закричал Ефимов. – Спасибо, брат.

– Не за что! – проухал Филин, – бывай здоров, чертов кот! – и улетел, бесшумно размахивая большими крыльями.

– Какой у вас замечательный друг! – сказала Мурочка.

– Да, – подтвердил Ефимов. – Ночной орел.

– Вы знаете, – продолжила Мурочка, – а мне совсем не хочется домой. Может быть, сходим на концерт? Послушаем музыку. Наши лягушки чудесно поют в стиле кантри. Просто превосходные мужские голоса.

– Конечно, пойдём, – подхватил Ефимов, которому очень не хотелось расставаться с Мурочкой.

Стало смеркаться, когда они дошли до небольшого болотца. Сели на бугорке под маленькой березкой, так, чтобы ветерок сдувал надоедливых комаров. Появились первые певцы. Вначале они потихоньку пробовали голоса – видимо, чтобы не сорвать, – а потом запели. «Да, – думал Ефимов, – вот что значит живая музыка без “фанеры”. Жаль, что некому ребят раскрутить. Надо будет с котом Фадеем переговорить. Он у продюсера живет, может, при случае, заедет послушать. Пригласит кого-нибудь диск записать».

Мысли Ефимова прервало необычайно сильное кваканье. Ефимов разглядел в сумерках громадную лягушку. Когда она принималась петь, все остальные исполнители благоговейно умолкали.

– Это наша знаменитость, – шепнула Мурочка, – Лилиано Болотти!

– Да, дает парень дрозда, – восхищенно произнес Ефимов.

В это время высокая трава рядом с Мурочкой и Ефимовым зашевелилась, и по направлению к Лилиано спиралью потекло длинное гибкое тело змеи. По двум желтым пятнам на голове Ефимов, любивший смотреть канал «Discovery», понял, что это Уж.

– Эй! Эй! – сказал Ефимов, хватая Ужа лапой за хвост. – Я ваших дел не знаю, но тут концертный зал, а не китайский ресторан. Этот парень, – он кивнул на Лилиано, – в меню не значится.

Уж рассердился, повернулся головой к Ефимову и, сделав бросок, попытался его укусить. Ефимов, ловко отклонившись, отбил вниз свободной передней лапой, словно теннисный мяч, голову Ужа и крепко прижал ее двумя задними лапами к земле. Уж оказался в капкане: Ефимов держал его голову, хвост и, чтобы змей не извивался, придавил лапой посередине.

– Скажи спасибо, что я не мангуст Рикки-Тикки-Тави, – произнес Ефимов.

– Спасибо! – сдавленно прошипел Уж.

– Ну, и что с этим Великим Змеем теперь делать? – спросил Ефимов Мурочку.

– Отпустить! – сказала Мурочка. – Все равно все лягушки от страха разбежались.

– Где я теперь такую большую вкусную лягушку найду? – печально прошипел освобожденный Великий Змей.

– Лягушки полезные! – назидательно сообщил Ефимов. – Лови мышей, они зерно воруют и болезни переносят.

– Ага, а лапы ты мне подаришь!

– А ты возле норок карауль! Завтра мы с братом Кузей на мышиную охоту идем. Нас местные пацаны пригласили. Можем тебя с собой взять в засаде стоять. Погоним на тебя мышей, а ты знай себе лови!

ГЛАВА 4

Охота на мышей. Благородство Ефимова. Рыбная ловля.

Отвратительное поведение Мурзика. Дядя Саша

Охотники подобрались один к одному. Ефимов мышей видел по телевизору: «Такие серые, с хвостиками». У доброго Кузи была любимая подушка с Микки-Маусом. Мурзик притащил пластиковое ведро, чтобы складывать в него добычу. Он успел забежать в поселковую аптеку, где не покладая лап круглосуточно дремал его шурин, и пропустить с ним по «десять капель» валерьянки. Теперь Мурзик пытался залезть на березу, чтобы с ее вершины рассмотреть, куда направляются мышиние косяки, но постоянно срывался и падал в ведро. Великий Змей, оставшийся накануне по вине Ефимова без ужина, собирался вылавливать мышей из ручья, к которому, по мнению охотников, часть грызунов должна была броситься, чтобы спастись. Пятым был ёжик Кеша, который все время чихал и терял очки. Поросятка Борьку на охоту не взяли, потому что от него можно было ожидать любого свинства.

Местом для охоты выбрали зернохранилище. Неожиданно возник конфликт с охраной. Цепной пес Прохор зашелся лаем, пытаясь предотвратить проникновение пятерых охотников в разваливающийся сарай:

– Посторонним не положено! Покиньте охраняемую территорию!

Он поднял такой шум, что изо всех щелей появились мышиние морды, и в сторону великолепной пятерки посыпались оскорбительные реплики.

– Правильно, Прохор! Не подпускай антиглобалистов к нашему дому. Гони прочь.

– Что, котяры? Поджали хвосты? Сейчас мы их вам пообрываем.

– Понаехали, Матроскины! Последнего нас хотят лишить!

Охотники тоже не молчали. Особенно отличился Мурзик, научившийся разнообразным ругательствам у своего хозяина. По цензурным соображением ответные выкрики Мурзика приводятся с пропусками.

– Мыши, вас! Мы сейчас отсюда!

Неизвестно, чем бы закончилась перепалка, если бы не Борька. Несмотря на запреты, он увязался за охотниками и некоторое время, стоя в стороне, упивался их беспомощностью, но собачья глупость в сочетании с мышинной наглостью не могли оставить равнодушной его деятельную натуру.

Борька не снизошел до уличных ругательств. Все-таки он был поэтом! Поговаривали даже, что он дальний родственник свиней, которых держала семья Есениных. Борька начал хрюкать частушки:

Лаает Прохор у забора,
Злой от долгого запора,
Пухлый от метеоризма!
По нему скучает клизма!

Сильнее всего Прохора взбесило незнакомое слово «метеоризм». Он рвался с цепи, пытаясь дотянуться до поросятка.

– Ах ты свинья, – злобно рычал Прохор, – вот я сейчас доберусь до твоего розового пятака.

– Я не свинья! Я кабанчик! – не унимался Борька. – Ты только резких движений не делай, а то всех блох растрясешь. Куда ты без подданных, царь блошиный, король мышиный, Прохор Первый?

В конце концов Прохор бросился за Борькой, волоча на цепи будку. Хитрый поросяенок юркнул между досками забора, Прохор за ним, но только на длину цепи. Собачья будка осталась за забором. Отпихнуть будку от досок, чтобы вернуться с ней на рабочее место, Прохор уже не мог.

Он оказался пристегнутым к забору. Пришлось вылезать в соседнюю щель и лаять издали, не причиняя вреда охотникам, которые ринулись в зернохранилище.

Обезумевшие от ужаса мыши бросились к норам. Ефимов уже был совсем догнал громадного мыша, но на кошачью лапу натолкнулся крошечный мышенок, убежавший с закрытыми глазами. Ефимов затормозил.

Мышонок открыл глаза. Он трясся от страха, но его черные бусинки, не отрываясь, смотрели прямо на Ефимова. Подошли другие охотники. В ведре у Мурзика лежали две толстые перепуганные мыши. Одну сопротивляющуюся и отбрыкивающуюся мышью тащил за хвост Борька. Добрый Кузя старался не смотреть на пленников, а ежик Кеша и так ничего не видел, потому что потерял очки. Великий Змей вообще взирал на серые мохнатые шкурки с отвращением, представляя, как неудобно и отвратительно их глотать.

– Что с этим пацаном будем делать? – деловито спросил Мурзик, усаживаясь возле мышонка. – Из него даже бульон не получится. Можно, конечно, чтобы добро не пропадало, высушить или завялить, – продолжал развивать тему хозяйственный Мурзик.

– Верните нашего мальчика! – раздался жалобный писк.

Из норки вышла мышка-мать. Она вела за лапки еще двух мышат, мал мала меньше.

– Ну что ты, мать! Солдат ребенка не обидит! – укоризненно сказал Ефимов и подтолкнул дрожащего от страха мышонка. – Давай, беги к маме!

– Что касается остальных, – он кивнул на троих пленников, – то, согласно законам военного времени, мы сохраним им жизнь при полной мышиной капитуляции. Выходите из сарая с поднытыми лапами!

Кузя с гордостью взглянул на брата. Миротворец! Мурзик почувствовал важность момента и принялся раздавать указания:

– Оружие складывать возле норок! Над входами вывесить белые флаги! Мужики выходят первыми, за ними дети, женщины идут последними.

Все-таки великое искусство – кино!

Борька застучал по деревянному настилу копытцами, выбивая барабанную дробь. Пытаясь изобразить звук боевого горна, страшно зашипел Великий Змей. Такого психологического давления мыши выдержать не могли и, озираясь, принялись выползать из нор.

Ежик Кеша контролировал выход мышей из сарая. Когда все грызуны, от мала до велика, покинули сарай и пространство возле зернохранилища стало серым от мышиных шкурок, Ефимов выступил с пламенной речью. Суть сказанного сводилась к простому изречению: «Кто к нам за зерном придет, тот из-за зерна и погибнет!» И опять Кузя не мог оторвать восхищенного взгляда от брата. В конце речи побежденным предлагалось проваливать подобру-поздорову в поля и леса.

Мыши построились в колонны по четыре и двинулись походным строем в сторону гречишного поля. Мурзик отпустил троих пленников и замер, сидя на задних лапах и приложив правую переднюю лапу к своей полосатой голове.

– Так, – прервал торжественное молчание Великий Змей, – что, однако, у нас сегодня на обед?

– Опять рыба, – ответил Мурзик, выйдя из оцепенения.

Голодные охотники двинулись к озеру. Потоптались на берегу, нашли песчаное мелководье и принялись ловить пескариков. Ефимов, Кузя, Кеша и Змей честно барахтались в воде, распугивая маленьких рыбок. С берега за рыболовами наблюдали скептически настроенный Мурзик, сидящий на ведерке, и насмешливо похрюкивающий Борька. Этот поросенок по дороге нарыл какой-то корень и с аппетитом чавкал.

– Слышь, Борька, – сказал Мурзик, осмотревшись по сторонам, – а дядя Саша удочкой таскает карасиков с окуньями одного за другим и бросает в ведро. Уж скоро складывать будет некуда. Зачем ему столько рыбы? У него и кот-то нет.

– Угу, – подтвердил Борька. – Вся нашу рыбу переловит.

Борька сразу понял свою задачу. Он пробежал за спиной дяди Саши к камышовым зарослям, залез в них и принялся топтать, разбрызгивая ил и громко хрюкая.

– Брысь отсюда, чертенок неугомонный, – в сердцах крикнул дядя Саша, – ты мне всю рыбу распугаешь.

Он поднялся с насиженного места, чтобы шугануть поросенка из камышей. А в это время Мурзик тихонько подтащил свое пустое ведерко к большому ведру дяди Саши и стал переключать рыбку.

На визг и крик из воды вылезли рыболовы-неудачники и застыли от ужаса, увидев, что вытворяет Мурзик. Но поднятый шум привлек не только Ефимова с товарищами. Из кустов выбежал Шарик – лопухий собачонок дяди Саши, о существовании которого Мурзик, на свое несчастье, позабыл.

Маленький Шарик с лаем бросился на большого кота, ворующего рыбу.

– Брысь отсюда, щенок! – зашипел Мурзик и выгнулся дугой.

В это время вернулся дядя Саша, сжимая под мышкой пойманного в камышах Борьку. Мурзик мгновенно исчез, бросив свое ведро. Слово его тут и не было.

– Так-так, – протянул дядя Саша, рассматривая пластиковое ведро. – Не ваше, ребята? – спросил он, заметив в отдалении группу неудачливых рыболовов.

Ефимов и Кузя не знали, куда деваться от стыда. Как можно было красть у дяди Саши? Что про честных котов подумают?

– Они не воровали! – залаял Шарик, в котором, как это чаще всего бывает, замечательно сочетались отвага и чувство справедливости.

– Да я знаю, – успокоил Шарика дядя Саша.

Он погладил собачонка по лохматой голове и перебросил в ведро еще несколько карасей.

– Возьми, Борька, ведро! Отнеси его ребятам. Пусть поедят свежей рыбки! – сказал дядя Саша, отпуская поросенка.

«Откуда они берутся, эти дяди Саши и тети Маши? Самим жрать нечего, а они кормят кошек и собак!» – подумал Черный Ворон, сидя на елке и наблюдая за развитием событий.

Ответить было некому. Ефимов, Кузя, Кеша, Борька и Великий Змей угнетали карасиков и окуньков.

– Хоть косточки оставьте! – каркнул Ворон.

Вечером Ефимов уезжал в город. У его дачного участка собралась большая компания. Брат Кузьма, Ежик Иннокентий, поросенок Борька, Енот бабки Семечкиной и застенчивая Мурочка проводили Ефимова прямо до машины. Филин на прощание проухал, сидя на изгороди, а Великий Змей прошипел из травы. Они не хотели смущать своим видом других пассажиров машины, но их все равно неправильно поняли.

– Залезай быстрее! – принялась пугать Ефимова бабушка. – Ишь, какие страшилища за тобой, проказником, пришли!

– Ты, это, брат, на следующие выходные обязательно приезжай! – сказал Кузя, погладив Ефимова по полосатой голове. – Мы будем по тебе скучать.

– Возвращайтесь скорее, – добавила Мурочка и засмушалась.

– Родню не забывай, – крикнул взявшийся неизвестно откуда Мурзик и икнул.

– Да, телепрограмму не забудь привезти, – напомнил Енот.

– И чего-нибудь покушать! – хрюкнул все-таки очень наглый поросенок Борька.

– Всего пять дней, ребята! Вот с бабушкиными делами разберусь и в пятницу вернусь. Может, и Адама с собой прихвачу, – пообещал Ефимов уже из отъезжающей машины.

Колеса медленно покатались по утрамбованному песку, когда на дорогу выбежал мышонок с маленьким узелком. Он очень спешил.

– Дядя Ефимов! – кричал запыхавшийся мышонок вслед машине, размахивая узелком. – Мама гречки набрала. Велела Вам передать. Ее на завтрак хорошо с молоком!